

- ² Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 370.
- ³ Heinemann F. W. von Humboldts philosophische Anthropologie und Theorie der Menschenkenntnis. Halle: V. u., 1929. S. 190.
- ⁴ Heinemann F. Opus cit. S. 191.
- ⁵ Haym R. W. von Humboldt. Lebensbild und Charakteristik. Berlin, 1856. S. 450.
- ⁶ Spranger E. W. von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin: Verlag von Reuter & Reichard, 1909. 506 S.
- ⁷ Steinthal H. Die sprachphilosophischen Werke Wilhelms von Humboldt. Herausgegeben und erklärt von H. Steinthal. Berlin, 1884. S. 230—242.
- ⁸ Cassirer E. Die kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie//Festschrift für P. Hensel (Erlangen)/Hrsg. Julius Binde, Göttingen, Druck und Verlag OHAG—Greiz i. V. 1923. S. 117, 109—110.
- ⁹ Cassirer E. Opus cit. S. 118.
- ¹⁰ Cassirer E. Ibid.
- ¹¹ Streitberg W. Kant und die Sprachwissenschaft//Indogermanische Forschungen, 26. Band, Festschrift für K. Brugmann. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. S. 382—422.
- ¹² Cassirer E. Opus cit. S. 122.
- ¹³ Funke O. Zur Frühgeschichte des Terminus (Innere) Sprachform//Festschrift für E. Otto Berlin, 1957. S. 289—294.
- ¹⁴ Jost L. Sprache als Werk und wirkende Kraft. (Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik der energetischen Sprachauffassung seit W. von Humboldt.) Bern: Verlag Paul Haupt, 1960. S. 70—74.
- ¹⁵ Porzig W. Der Begriff der inneren Sprachform//Zeitschrift Indogermanische Forschungen 41. 1923. S. 150—169.
- ¹⁶ Weisgerber L. Das Problem der inneren Sprachform und seine Bedeutung für die deutsche Sprache//Germanisch-Romanische Monatsschrift XIV. 1926. S. 241—256.
- ¹⁷ См.: Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: Академия худож. наук. 1927. С. 52—67; См.: Jost L. Opus cit.
- ¹⁸ См.: Звегинцев В. А. О научном наследии В. фон Гумбольдта//Гумбольдт В. фон Избр. тр. по языкознанию/Под ред. проф. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 356—362.
- ¹⁹ См.: Рамишвили Г. В. В. фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания//Там же, С. 5—32, 363—368.
- ²⁰ См.: Гулыга А. В. 1) В. фон Гумбольдт и немецкая философская классика//Там же. С. 350—355; 2) Философская антропология В. фон Гумбольдта//Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры/Под ред. проф. А. В. Гулыги и проф. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 7—23.

Кант, Гуссерль и проблема психологизма

Г. Б. Сорица

(Гомельский ветеринарный институт)

Ни одну философскую систему нельзя понять в отрыве от культурно-исторического контекста эпохи, от достижений и споров предшествующей философской мысли. Философия И. Канта в этом плане не является исключением. В кантоведческой литературе, как это верно отмечает В. Н. Брюшинкин, серьезному исследованию при анализе истоков трансцендентальной философии обычно подвергаются ее философские и естественно-научные предпосылки. Между тем «содержание ряда идей

трансцендентальной философии обусловлено Кантовой интерпретацией формальной (общей) логики...»¹.

Сложившаяся еще в XVII веке европейская философская традиция поиска единственно истинной методологии научного познания и трактовка логики как важнейшего и обязательного условия ее построения нашла свое отражение и в критической философии Канта. Кант определял свою «Критику» в первую очередь именно как трактат о методе, а не как систему самой науки. Вся теоретическая философия Канта детерминировалась стремлением построить единую теорию науки. «Она исходит из факта науки и ищет ее логические основы»². В свою очередь поиски логических основ науки с необходимостью должны были привести Канта к выражению своего отношения к антитезе психологизма-антипсихологизма. В силу чего возникла такая необходимость? Это первый вопрос, на который мы попытаемся ответить в данной статье.

Такая необходимость, с нашей точки зрения, возникла в силу того, что в рамках антитезы «психологизм-антипсихологизм» решалось два основных вопроса: вопрос об основаниях логики и знания и вопрос о предпосылках и механизмах формирования нового знания в науке. В период, когда закладывались основы классической математики и естествознания, целый ряд философов рассматривали логику, построенную на базе такой естественно-научной дисциплины, как психология, в качестве важнейшего инструмента получения и развития научно-теоретического знания. Среди многочисленных направлений в логике (логика формальная, материальная, силлогистическая, индуктивная, функциональная и реальная, теоретическая и нормативная, логика как теория искусства мышления и как техническое учение о методе, психологическая и антипсихологистическая и т. д.), оформившихся к моменту начала работы Канта над построением трансцендентальной логики, ведущее место занимала именно психологистическая логика.

Традиционно в философской литературе анализ проблем психологизма-антипсихологизма связывается с логикой. Отражением такой тенденции явилась, в частности, статья в философской энциклопедии о психологизме, которая так и называется «Психологизм (в логике)»³. Однако проблема психологизма-антипсихологизма никогда не была ограничена узкими рамками логики. По сути дела, психологизм всегда выступал как психологизм в логике и теории познания. Задачи логики и теории познания не различались, а логика строилась именно для решения теоретико-познавательных проблем. Эта традиция сохраняется и у Канта. Его трансцендентальная логика, как, впрочем, и общая, решают теоретико-познавательные проблемы. При этом трансцендентальная логика должна ответить в первую очередь на вопрос о том, что обуславливает возможность существования всеобщих и необходимых истин.

Для создания единой системы научного знания, с точки зрения представителей психологизма в логике и теории познания, необходимо было найти такую теоретическую дисциплину, предметом которой являются непосредственно ощущения и которая поэтому создает фундамент для построения всей системы научного знания. В качестве такой дисциплины рассматривалась теоретическая психология. Однако задачи логики как в психологизме, так и в антипсихологизме понимались как направленные на поиск достоверных оснований научного познания и средств для конструирования из очевидных и достоверных оснований всей системы научного знания. Если психологизм в целом можно охарактеризовать как попытку субъективизации логики и знания, то антипсихологизм — как попытку объективизации.

Основные послышки психологизма в логике и теории познания заключаются в следующем: логика является наукой о мышлении, мышление принадлежит к области ведения психологии, поэтому теоретический фундамент логики находится в психологии, сама же логика направлена на исследование научного знания, трактуемого субъективно-психологически.

Такая характеристика задач логики и теории познания в докантовском психологизме заставляет Канта выразить свое отношение к этой проблеме. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он, перечисляя те изменения, которые сделаны во втором издании по сравнению с первым, специально выделяет расширение аргументации своей критики психологизма. Он пишет: «Действительным прибавлением, однако лишь в аргументации, я бы мог назвать только новое опровержение психологического идеализма и строгое (как я полагаю единственно возможное) доказательство объективной реальности внешних созерцаний» (3, 101). Итак, своеобразное решение теоретико-познавательных проблем в рамках психологизма вынуждает Канта выразить свое отношение к этому направлению в логике и теории познания.

Следует отметить, что проблема психологизма-антипсихологизма была тесно связана с другой теоретико-познавательной альтернативой: эмпиризм-рационализм. Отношение Канта к этой антитезе подробно проанализировано в кантоведческой литературе. Для нашего же анализа важно именно развести эти родственные, но различные группы альтернатив. Мы выделим основные проблемы в каждой из указанных групп альтернатив.

Основной вопрос антитезы «психологизм-антипсихологизм» — это вопрос об основаниях логики и знания, в свою очередь, основной вопрос антитезы «эмпиризм-рационализм» — это вопрос об источнике знания. Вместе с тем эти группы альтернатив решают и какие-то общие проблемы, например, вопрос о путях развития знания. Но ответы, к которым приходят в каж-

дой группе альтернатив, а соответственно и предпосылки вопросов разные. Предпосылкой данного вопроса для эмпиризма-рационализма является утверждение о наличии чувственного или рационального пути познания, для психологизма-антипсихологизма — утверждение о зависимости мышления, путей познания от индивидуальной психологии или от каких-то объективных, независимых от познающего субъекта реальностей.

Несмотря на то, что наиболее последовательный психологизм в логике и теории познания связан с именами крупнейших представителей эмпиризма, а в свою очередь антипсихологизм чаще всего ассоциируется с именами рационалистов, самый крайний эмпиризм может вполне уживаться с общей антипсихологической направленностью в понимании логики и знания. Так, эмпирик Гоббс занимал антипсихологистическую позицию, а в целом рационалистическая и декларируемая как антипсихологическая позиция Канта, как мы это покажем в дальнейшем анализе, в процессе своего развития пришла к противоположному результату: кантовская логика и теория познания оказались специфической формой психологии, формой рационалистического психологизма. Вот что пишет по этому поводу Э. Гуссерль: «Известно, что теория познания Канта в некоторых отношениях стремится выйти за пределы психологизма душевных способностей как источников познания и действительно выходит за их пределы. Но здесь для нас важно, что она в других отношениях сильно вдается в психологизм... Ведь трансцендентальная психология тоже есть психология»⁴. Таким образом, и теории эмпиризма, в которых логические законы трактуются как эмпирико-психологические законы, и теории рационализма, которые видят основу логических законов в свойствах «сознания вообще», могут быть отнесены к психологизму. Поэтому не следует рассматривать антитезу психологизма-антипсихологизма как вид или частный случай альтернативы эмпиризма-рационализма.

Таким образом, позиция, занимаемая относительно вопроса о «философском уяснении» основ логики и гносеологии, тесно связана, хотя и не совпадает, с позицией относительно «чувственного или рационального пути познания». Однако сама взаимосвязь вынуждает Канта выразить свое отношение к каждой из групп альтернатив. В нашем дальнейшем анализе нас будет интересовать отношение Канта к первой из этих групп альтернатив.

В истории развития чистого разума Кант выделяет основные спорные вопросы, знаменовавшие собой перевороты в метафизике. Эти вопросы, с точки зрения Канта, касались следующих проблем: выделения предмета познания, происхождения познания и, наконец, метода познания (З, 692—695). Следует отметить, что эти вопросы представляли собой единую систему. Ответ на один из них детерминировал ответы на два других

вопроса, и все вместе они связывались с той или иной трактовкой логики и знания. При этом логика строилась в качестве важнейшего инструмента познания. Фактически, как это уже отмечалось, такое отношение к традиционной (общей) логике сохраняется и у Канта. Он использует формальную логику как средство, при помощи которого «строит трансцендентальную аналитику, анализирует категории и связи между ними, так что «общая логика», о которой... пишет Кант,— это логика формальная в свойственном ей «каноническом», то есть обычном применении, а логика трансцендентальная— это та же формальная логика, но уже в гносеологическом ее использовании Кантом»⁵.

Роль, которая отводилась Кантом логике, никак не совпала с ее психологистическим истолкованием. Для Канта психология была «метафизикой мыслящей природы», она принадлежала области собственно эмпирического естествознания и не могла ответить на вопросы, связанные с анализом априорного пути познания. «Следовательно,— делает вывод Кант,— эмпирическая психология должна быть совершенно изгнана из метафизики и уже совершенно исключена из нее самой идеей метафизики... Она лишь пришелец, который пользуется приютом до тех пор, пока не создаст себе собственное жилище в обстоятельно разработанной антропологии (составляющей подобие эмпирического учения о природе)» (3, 691).

Задача логики совершенно иная. Она должна обеспечить теоретические основы науки и одновременно стать пропедевтикой любого употребления рассудка. Логика, с точки зрения Канта, позволяет собрать разрозненные сведения о предметах в единое целое. Он считал, что предмет общей логики был верно определен уже в древнейшие времена, то есть во времена Аристотеля, поэтому логика является «наукой вполне законченной и завершенной» (3, 82). Отсюда ясно, что для Канта было недопустимым расширение логики через включение в нее психологических разделов о различных познавательных способностях индивида. Он утверждал, что смешение различных наук, например, логики и психологии, ведет лишь к искажению каждой из них.

Логика Канта — это канон для оценки полученного знания. Она «не может проникать в науки и превосходить их материю»⁶. Кант критикует попытки использования логики «как бы в качестве органа для действительного создания по крайней мере видимости объективных утверждений...» (3, 161). Он считал, что подобные попытки могут принести логике и процессу познания только зло. Используемая таким образом логика оказывается лишь логикой видимости, что эквивалентно софистическому искусству «придавать своему незнанию или даже преднамеренному обману вид истины, подражая основательному методу, предписываемому вообще логикой... для

прикрытия всяких пустых утверждений» (3, 161). Такое использование логики в качестве видимости для расширения знания было для Канта недопустимо.

Кант утверждал точку зрения, в соответствии с которой логика должна обстоятельно доказывать лишь формальные правила всякого мышления, выступая в качестве пропедевтики науки, обосновывая необходимые законы мышления. Свои теоретические рассуждения о предмете логики Кант использовал для того, чтобы доказать, что логика, будучи каноном рассудка и разума, не может заимствовать свои законы и принципы из какой-либо другой науки или из опыта, что она основывается на законах а priori, а поэтому в логику недопустимо вводить какие-либо психологические принципы.

Ход его рассуждений выглядел следующим образом. Логические законы не могут основываться на принципах психологии потому, что сама психология вырастает из непосредственных эмпирических наблюдений над индивидуальным рассудком. Такие наблюдения ведут к тому, что мы можем ответить на вопрос о том, как происходит процесс мышления при тех или иных индивидуальных субъективных условиях. Такой путь ведет, с точки зрения Канта, к познанию случайных законов, что противоречит основной задаче логики как канону, регламентирующему то, как надо мыслить. «Поэтому правила логики,— доказывает Кант,— следует черпать не из случайного, а из необходимого применения рассудка, которое находят у себя помимо всякой психологии»⁷. Для Канта логика выступала в качестве той науки, которая позволяла систематически перечислить все возможные действия разума, обеспечить условия для достижения обстоятельности в процессе познания. Сложившаяся же психологистическая традиция противоречила фактам познания, не согласовывалась с реальным развитием математики и естествознания.

Канта не устраивает идущая от Дж. Локка практика субъективно-психологического анализа человеческого познания. Вместе с тем он сам постулирует, что протекающее а priori познание позволяет узнать «о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» (3, 88). В этом важнейшем положении кантовской философии детерминируется зависимость знания от познающего субъекта. Этот постулат кантовской философии позволяет выявить его непоследовательность, в частности, в антипсихологистической позиции. Кантовское утверждение о том, что в априорном, то есть независимом от опыта и всех чувственных впечатлений, познании объектам может приписываться только то, «что мыслящий субъект берет из самого себя» (3, 91), свидетельствует о реальном психологизме кантовской гносеологии.

Тем не менее декларируемый Кантом антипсихологизм сыграл существенную роль в формировании классической формы

антипсихологизма. Эта форма наиболее ярко представлена в исследованиях Г. Фреге и Э. Гуссерля. Антипсихологистические позиции Фреге и Гуссерля в период формирования их логико-философских теорий во многом совпадают⁸. Однако наиболее развернуто позиция антипсихологизма изложена Гуссерлем в его «Логических исследованиях», поэтому наш дальнейший анализ будет основываться на соотношении антипсихологистических позиций Канта и Гуссерля.

Во введении к первому тому «Логических исследований» Гуссерль выделяет те руководящие идеи, которые были положены им в основу построения антипсихологистической логики и теории познания. В числе таких руководящих идей он выделял кантовское положение о недопустимости смешения различных областей знания. Свою задачу Гуссерль как раз и видит в том, чтобы очистить логику, теорию познания от любых элементов психологии. Кант и Гуссерль единодушны в том, что именно смешение в одно целое таких разных наук, как логика и психология, приводит к существованию психологизма в теории познания.

Гуссерль ставит перед собой задачу разобраться в традиционных разногласиях между психологизмом и антипсихологизмом. Вместе с тем он, как и Кант, хочет построить новую теоретическую науку, которая будет носить априорный и демонстративный характер, вскроет сущность процесса познания. Важнейшее препятствие для построения такой науки Гуссерль видел в господстве психологизма в логике и теории познания. Сама же теоретическая дисциплина, которую он собирался построить, «и есть та наука, которую имел в виду Кант и другие представители «формальной», или «чистой», логики»...⁹

Таким образом, уже во введении к «Пролегоменам к чистой логике» Гуссерль специально подчеркивал влияние Канта на формирование своей антипсихологистической позиции, общность теоретико-познавательных задач. Конечно, Гуссерль видит и непоследовательность антипсихологизма Канта, однако для него важно то, что именно Канту принадлежит попытка первого систематического проведения антипсихологистической позиции в логике и гносеологии.

Гуссерль вполне справедливо находит в антипсихологистических рассуждениях Канта элементы психологизма. Такие элементы психологизма есть в кантовских рассуждениях о нормативном характере логики. Кант, доказывая независимость логики от психологии, ее априорный и чисто демонстративный характер, выступал против характеристики логики как технического учения. Однако трактовка им логики как канона, как некоей нормативной науки снижала, с точки зрения Гуссерля, ценность рассуждений о логике как теоретической дисциплине.

Гуссерль рассуждал следующим образом: каждая норма должна обладать определенным теоретическим содержанием,

которое может быть отделено от самой нормы. Тогда оказывается, что теоретическое содержание принадлежит некоторой теоретической науке, детерминирующей нормативную науку. В гуссерлевской концепции основной смысл долженствования связывается с определенными желаниями, требованиями, приказами, которые, в свою очередь, предполагают некоторую оценку совершенных действий. Фактически нормирование включает некоторые социально-психологические характеристики, оценки, позволяющие отличить хорошее от плохого. «В теоретических же дисциплинах,— утверждал Гуссерль,— наоборот, отсутствует эта центральная связь всех исследований с основной мерой ценности, как источником преобладающего интереса нормирования»¹⁰.

Все это свидетельствует о том, что кантовское положение о нормативном характере логики, о логике как каноне не является основанием для радикальной критики психологизма. Более того, аргумент нормативизма вполне устраивал психологистов, которые утверждали, что необходимое употребление разума есть лишь частный случай употребления его вообще. Следовательно, нормативное употребление разума тоже принадлежит сфере ведения психологии.

Непоследовательность антипсихологической позиции Канта Гуссерль вскрывает, обращаясь непосредственно к аргументации психологистов. «Вопрос о том, что должно делать, можно свести к вопросу о том, что нужно делать для достижения определенной цели; а этот вопрос, в свою очередь, равнозначен вопросу о том, как эта цель фактически достигается»¹¹,— цитирует он Липпса. Так, Гуссерль доказывал, что кантовская критика психологизма недостаточна, что его «чистая логика» не вполне удовлетворяет требованиям, которые формулировались исходно при ее построении.

Гуссерль относит кантовский психологизм к особой форме психологизма, исходящего из антропологически истолкованного априоризма. В самом деле, кантовский предметный мир оказывается зависимым от человеческого сознания, более того, он зависит от структуры сознания. Итак, предметный мир детерминируется познающим субъектом, которого, правда, Кант называет трансцендентальным субъектом, всеобщий и необходимый характер научного знания — структурой сознания. Со всей определенностью можно сказать, что «вместо логических условий знания Кант устанавливает психологические условия знания»¹².

Совершенно иная позиция у самого Гуссерля. Решая вопрос о том, что «делает науку наукой», Гуссерль на первый план выдвигает принцип единства обоснования, который позволяет отдельные факты объединить в единое научное целое. Он выделяет два вида условий, определяющих возможность существования науки или теории вообще. Это условия реальные и

идеальные. К первым он относит психологические условия и отмечает, что науку делает наукой не психологическое состояние ученых и не тот реальный контекст, в который погружен ученый. Науку делает наукой, с точки зрения Гуссерля, объективная систематическая связь понятий, то есть та связь, которая пронизывает все научное мышление.

Всякое научное знание, согласно Гуссерлю, является неполным, незавершенным. И вот именно эту незавершенность, теоретическое несовершенство конкретных наук должна восполнить логика. Задача логики заключается в обосновании всей системы научного знания, в выяснении тех предпосылок и принципов, на которых базируется наука. Логико-гносеологическое исследование сущности теории — это тот единственный путь, с точки зрения Гуссерля, благодаря которому можно будет решить вопрос о том, что «делает науку наукой».

Анализ идеальных возможностей познания вообще и теоретического познания в частности в конечном счете приводит Гуссерля к выводу, что «категориальные понятия», составляющие сущность процесса познания, «не содержат в себе ничего относительно познания, как акта познающего субъекта»¹³. Таким образом, основным для решения вопроса о том, что является идеальной сущностью науки, что есть теория теорий, наука наук, Гуссерль считал исключение из науки ее эмпирических и антропологических сторон.

Кантовская же позиция, несмотря на программный антипсихологизм, представляла собой специфическую форму антропологизма и релятивизма, что эквивалентно психологизму. Из утверждения зависимости процесса познания от структуры сознания познающего субъекта можно вывести, что «для каждого вида судящих существ истинно то, что должно быть истинно сообразно их организации, согласно законам их мышления»¹⁴.

Важнейшую ошибку предшествующих антипсихологистов Гуссерль видел в том, что они неправильно понимали сущность и основные задачи логики. Трактовка логики как регулятора познания не позволяла им, с точки зрения Гуссерля, выделить действительно теоретический характер логики.

В чем же сам Гуссерль видел теоретический характер «чистой логики»?

Ответ на этот вопрос он дает в процессе формулировки задач «чистой логики». «Чистая логика», считал Гуссерль, должна, во-первых, выяснить первичные для теории понятия, которые конституируют идею единства науки. Понятие понятия, истины, гипотезы, конъюнкции, дизъюнкции и т. д. Гуссерль называет категориями значения. Во-вторых, в задачу «чистой логики» входит поиск априорных законов образования этих понятий. Наконец, она должна установить *a priori* различные виды и формы теорий. То есть логика в исследованиях Гуссерля выступала в качестве наукоучения.

Обрисованный в «Логических исследованиях» проект наукоучения, или «чистой логики», так и не был разработан. Рассмотрение вопросов о глубинном содержании научного познания привело Гуссерля к необходимости обоснования самого наукоучения. И здесь мы сталкиваемся с основным противоречием всей гуссерлевской философии: начав с критики психологизма, с описания сферы идеального, которая не имеет «человеческого», «временного» характера и создает мир «чистых сущностей», Гуссерль приходит к ограничению теории познания сферой описания переживаний познающего субъекта. Он возвращается к психологизму, но уже в качественно новой форме.

Исследование проблем новой формы психологизма выходит за рамки данной статьи¹⁵. Мы же в заключение хотим отметить следующее. В кантовском априоризме Гуссерль как бы выделяет отчасти правильные, отчасти ложные утверждения. Он принимает кантовское деление логики на чистую и прикладную, но не принимает его «психологистических предрассудков». Гуссерль согласен с Кантом в главной тенденции, «но мы не думаем,— пишет Гуссерль,— что он (Кант.— Г. С.) ясно прозрел сущность задуманной дисциплины и сумел в ее изложении учесть ее надлежащее содержание»¹⁶. Таково отношение Канта и Гуссерля периода «Логических исследований» к проблемам психологизма.

¹ Брюшинкин В. Н. Кант и силлогистика: (Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма») // Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1986. Вып. 11. С. 29.

² Бакрадзе К. С. Избранные философские труды. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1977. Т. 4. С. 351.

³ См.: Новоселов М. М. Психологизм (в логике) // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 419.

⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Спб.: Образование, 1909. С. 80.

⁵ Нарский И. С. Кант. М.: Мысль, 1976. С. 58.

⁶ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 321.

⁷ Кант И. Трактаты и письма. С. 322.

⁸ См.: Сорина Г. Б. Общность антипсихологической позиции. Г. Фреге и Э. Гуссерля в период формирования их логико-методологических концепций // Философские проблемы истории логики и методологии науки: Материалы Всесоюзной конференции / Ин-т философии АН СССР. М., 1986. С. 68—70.

⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Бакрадзе К. С. Избранные философские труды. Т. IV. С. 400.

¹³ Гуссерль Э. Логические исследования. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ См.: Сорина Г. Б. Становление и развитие антитезы «психологизм — антипсихологизм» в истории логики и методологии науки // Диалектический материализм и философские вопросы естествознания: Межвуз. сб. науч. тр./МГПИ, 1984. С. 148—155.

¹⁶ Гуссерль Э. Логические исследования. С. 186.